

Файзуллина Найля Ивановна

О МЕХАНИЗМАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕНОТАТА В ЗАГАДКЕ

Цель статьи - выявление и систематизация наиболее частотных структурных схем народной загадки на материале русского и английского языков. Исследование осуществлено в рамках семантико-синтаксического анализа фольклорных текстов. Устанавливается, что наиболее частотными являются структуры, ориентированные на репрезентацию действия денотата. Подобные структуры могут содержать наименование одиночного действия или же целый ряд характерных для искомого предмета действий. Часто перечисление действий обусловлено стремлением обнаружить их противоречивый характер. Реже денотат описывается при помощи указания на его признак или же перечисления его составных частей. Проведенный анализ позволяет говорить о частичном сходстве процесса восприятия предмета и его последующей кодировки в рамках английской и русской народных загадок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 375-378. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 800/801

Цель статьи – выявление и систематизация наиболее частотных структурных схем народной загадки на материале русского и английского языков. Исследование осуществлено в рамках семантико-синтаксического анализа фольклорных текстов. Устанавливается, что наиболее частотными являются структуры, ориентированные на репрезентацию действия денотата. Подобные структуры могут содержать наименование одиночного действия или же целый ряд характерных для искомого предмета действий. Часто перечисление действий обусловлено стремлением обнаружить их противоречивый характер. Реже денотат описывается при помощи указания на его признак или же перечисления его составных частей. Проведенный анализ позволяет говорить о частичном сходстве процесса восприятия предмета и его последующей кодировки в рамках английской и русской народных загадок.

Ключевые слова и фразы: паремии; народная загадка; денотат; предложение; действие.

Файзуллина Найля Ивановна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
nelya7@mail.ru

О МЕХАНИЗМАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕНОТАТА В ЗАГАДКЕ

Природа народной загадки, ее внутренняя организация и сегодня остаются одними из актуальных вопросов современной лингвистики ввиду антропоцентрической направленности самого жанра, так как каждая загадка тем или иным образом служит созданию целостной картины мира в сознании человека [4; 8].

Частные аспекты постижения окружающего мира посредством загадки описаны в работах М. О. Абдрашитовой [1], А. В. Головачевой [3], М. Н. Левченко, Е. Н. Лачугиной [5]. Перечисленные работы в основном посвящены изучению лексического уровня загадки.

Однако нерешенным остается вопрос относительно структурных моделей загадки: что представляет собой загадка на синтаксическом уровне? Какие структурные модели доминируют при описании денотата? Имеются ли какие-либо национальные тенденции в кодировке денотата заданной предметной области? Поиск ответов на подобные вопросы предпринимался и ранее [6; 9], однако сложный характер построения жанра загадки и сегодня привлекает филологов.

Цель данной статьи – выявление наиболее частотных структурных схем народной загадки в русском и английском языках.

Материалом для исследования послужили сборники русских и английских народных загадок.

В результате анализа структурных схем народной загадки было установлено, что наиболее частотным является описание денотата посредством указания на действие, являющееся атипичным для антиденотата (то есть того предмета, который обозначает денотат в тексте загадки) и типичным для денотата.

В русской народной загадке метафорическое действие может указывать на длительное действие, что следует расценивать исключительно как указание на «бытование» денотата в определенном пространстве: *Лежит красавица лицом в подлавицу (топор)* [7, с. 7]; *Сидит баба на печке в белой епанечке (печная труба)* [Там же, с. 47].

Использование подобных «бытийных» глаголов становится типичным для текста загадки и позволяет опускать данный глагол в случае ясного контекста: *Стоит гора, в горе нора, в норе – жук, в жуке – вода (печь и котел)* [Там же, с. 64]; *Щука в море, хвост на угоре (ковиш)* [Там же, с. 98]; *Стоит девица в избе, а коса – на дворе (печь и дым)* [Там же, с. 54].

Следовательно, прототипической можно назвать модель $N + V + Det$ (place), где N – наименование антиденотата, часто выступает в качестве субъекта действия; V – действие, типичное для N ; Det – детерминант (чаще всего обстоятельственный).

В некоторых случаях для описания денотата требуется подчеркнуть возможность выполнения антиденотатом различных действий, что может быть связано с окружающими условиями. Так, при описании топора указываются действия, осуществляемые *на дворе* и *дома*: *На дворе кланяется, а домой придет – растянется (топор)* [Там же, с. 7]. В данном случае именно противопоставление *двор – дом* является ключевым для расшифровки кода. Противопоставление действия в зависимости от окружающих условий наблюдается и при описании иных денотатов: *В избе сплющилось, снаружи растопырилось (бревно)* [Там же, с. 20]. В приведенных примерах модель $N + V$ получает осложнение ввиду включения противопоставления на уровне обстоятельства и действия: $N + V_1 + Det$ (place)₁ / $N + V_2 + Det$ (place)₂. Возникновение противопоставления места действия мы связываем с установившейся в сознании архаичного человека оппозиции здесь – там, которая вербализуется при помощи контекстуальных антонимов: *дом – двор; в избе – снаружи*.

Модель $N + V_1 + Det$ (place)₁ / $N + V_2 + Det$ (place)₂ может увеличивать количество элементарных компонентов по формуле $N + V_1 + Det$ (place)₁ / $N + V_2 + Det$ (place)₂ ... $N + V_n + Det$ (place)_n: *В лесу выросло, из лесу вынесли, на руках плачет, а на полу скачет (балалайка)* [Там же, с. 59]. Однако в подобных случаях семантика противопоставления нивелируется за счет упразднения семантики лексем, выполняющих функцию обстоятельства, так как увеличение числа обстоятельств придает высказыванию перечислительную интонацию.

Аналогичный процесс наблюдается при введении в схему обстоятельства времени: *Днем висит, ночью – в петлю (крюк и петля)* [Там же, с. 37]. Модель $N + V_1 + Det (time)_1 / N + V_2 + Det (time)_2$. Наличие двух семантически противоположных обстоятельств времени (*день – ночь*) позволяет противопоставить называемые действия и время их совершения. Семантика противопоставления актуализируется и противительным союзом *а*, эксплицирующим необходимую интенцию: *Днем лежит в темноте, а ночью огонь глотает (свеча)* [Там же, с. 39]; *Днем трубкой, а ночью под шубкой (постель)* [Там же, с. 42]. Введение большего числа обстоятельств и, соответственно, увеличение числа действий субъекта «разрушают» семантику противопоставления: *Днем спит, ночью глядит; утром умирает, другой ее сменяет (свеча)* [Там же, с. 38].

В загадке про пилу также перечисляется ряд действий, которые выполняются денотатом. Однако обращение к данному перечислению продиктовано не условиями их совершения, а спецификой образа действия: *Скоро ест, мелко жует, сама не глотает, другой сыт бывает (пила)* [Там же, с. 12]; *Стоит столбом, горит огнем; ни жару, ни пару, ни угольев (свеча)* [Там же, с. 79].

Перечисление действий денотата не всегда требует предъявления дополнительных характеристик (времени, места, образа действия). Однако в таком случае порядок расположения глаголов, обозначающих определенное действие, приобретает важную роль, так как семантика последнего действия денотата резко противоречит перечисленным выше, то есть нарушает логику развития описываемых событий. По нашему мнению, именно заложено противоречивое действие служит ключом к разгадке денотата: *Зыблется, гиблется, а на землю не свалится (дым)* [Там же, с. 53]; *Не шагает, а ходит (дверь)* [Там же, с. 24]. В таком случае модель описания денотата выглядит следующим образом: $V_1, V_2... + V_n / (V)$. В схеме не представлены субъект действия и второстепенные члены, так как акцент делается именно на комплексном восприятии изложенных действий.

Более сложную организацию имеет загадка *Никогда не ест, а только пьет; а как зашумит – всех приманит (самовар)* [Там же, с. 84]. В данном случае имеется в виду не только описание постоянного действия *пьет*, но также условия осуществления трансформации (*как зашумит*) и ее результата (*всех приманит*). Используемую модель можно изложить следующим образом: $[V_1+V_2]; [V_3 \rightarrow V_4]$.

Нами обнаружены случаи употребления глаголов в форме первого лица при описании денотата: *Ударю я булатом по белым каменным палатам, выйдет княгиня и сядет на пуховую перину (огниво, кремь, искра, трут)* [Там же, с. 73]; *Суну, посуну в золотую посуду, там поколочу, назад поворочу (кочерга)* [Там же, с. 64].

По нашему убеждению, обращение к форме первого лица глагола продиктовано стремлением показать денотат как активный субъект действия.

Для английской народной загадки основным механизмом кодировки денотата также является метафоризация его действия.

Типичным для английской загадки является указание на постоянное действие.

Модель $N + V$ часто распространяется обстоятельством образа действия: *Something run all day and all night (clock)* [10, p. 45]. / *Бежут весь день и всю ночь (часы)* (здесь и далее перевод автора статьи. – Н. Ф.); *Build the house with one post (mill)* [Ibidem, p. 472]. / *Построен дом с одним столбом (мельница)*.

Описание денотата может осуществляться при помощи нескольких действий, причем ряд конструкций может состоять исключительно из двух действий, что обусловлено логикой построения загадки: *What jumps over a fence and leaves his tail behind him? (needle and thread)* [Ibidem, p. 73]. / *Что прыгает через забор и оставляет свой хвост за ним? (нить и игла)*; *Water lays down, water stands up (cane)* [Ibidem, p. 464]. / *Вода кладет, вода поднимает (камыш)*. В приведенных текстах структура $N + V_1, V_2$ может быть условно названа закрытой, так как не предполагает включения иных действий.

При перечислении действий важными становятся обстоятельства их осуществления: действие может быть обусловлено временными или пространственными показателями. *It grows in woods; it bellows in towns. If you guess this riddle, I'll give you five pounds (a fiddle)* [Ibidem, p. 435]. / *Это растет в лесу, это ревет в горде. Если отгадаешь эту загадку, получишь пять фунтов (скрипка)*; *Lives in winter, dies in Summer, and grows with its root upwards (an icicle)* [Ibidem, p. 428]. / *Живёт зимой, умирает летом, растёт корнями вверх (сосулька)*; *Grows in the wood and whinnies in the moor, and goes up and down our house-floor (a sweeping brush, which is supposed to be of horsehair)* [Ibidem, p. 435]. / *Растет в лесу, ревет в стени, ходит в нашем доме по полу (щетка, изготовленная из конского волоса)*; *My father has a pepper tree, in the night it has plenty peppers, in the day it has none (stars)* [Ibidem, p. 448]. / *У моего отца есть перечное дерево, ночью на нем много перцев, а днем ни одного (звезды)*.

В загадках, называющих три действия, основной акцент делается на противоречивости последнего: *Blacky went up the hill, put down Whitey and came back (black fowl went up and lay a white egg and came back down)* [Ibidem, p. 325]. / *Блэки поднялась на холм, положила Уитни и вернулась (черная птица снесла белое яйцо и вернулась вниз)*.

Противоречивость может быть вербализована и при помощи специального обстоятельства: часто в качестве обстоятельства образа действия приводится неподвижность предмета: *What goes the whole way to Yarmouth without moving? (the railroad)* [Ibidem, p. 49]. / *Что идет весь путь до Ярмута без движения? (железная дорога)*; *What turns without moving? (milk)* [Ibidem]. / *Что поворачивается без движения? (молоко)*. Важно отметить, что вскрываемый парадокс должен быть ясным для всех адресатов и не может подвергаться какой-либо трансформации, так как находится «вне» конкретной языковой ситуации [2].

Алогичный характер действия передается и при помощи союза *but (но)*: *What runs all round the house and makes but one track? (snake)* [10, p. 63]. / *Что бежит вокруг дома всегда по одному пути? (змея)*; *It has a head,*

but can't think (a match) [Ibidem, p. 94]. / *Голова есть, а думать не может (спичка)*. Наблюдается и имплицитная трансляция алогичности описываемого действия: *Goes up with four legs, comes down with eight (cat with mouse)* [Ibidem, p. 32]. / *Идет вверх с четырьмя лапами, спускается с восьмью (кошка с мышкой)*. В приведенной загадке мы можем с легкостью восстановить союз *но (but)*, что не искажает заложенного смысла: *Goes up with four legs, but comes down with eight (cat with mouse)*.

Следующим способом передачи противоречивости наблюдаемых действий является наречие *never (никогда)*: *There is something that run all time and never stops (river)* [Ibidem, p. 45]. / *Что бежит все время и никогда не останавливается? (река)*; *What comes and goes and yet never leaves the spot? (a door)* [Ibidem, p. 48]. / *Что приходит и уходит, а места своего не покидает? (дверь)*; *What goes up and down, never touches to town? (moon)* [Ibidem, p. 46]. / *Что ходит вверх и вниз, но не затрагивается до города? (луна)*.

Типичным является употребление модального глагола *can* для указания на невозможность осуществления какого-либо действия. В подобных текстах денотат представляется как активный субъект действия: *My father has three daughters and you can't tell me the oldest one (three tumblers)* [Ibidem, p. 395]. / *У моего отца три дочери, и ты не сможешь сказать, кто старшая (три неваляшки)*; *Two sisters on the river side; no one could touch each other (two bottles)* [Ibidem]. / *Две сестры на берегу не могут дотронуться друг до друга (две бутылки)*; *Jack on one side, Tom on the other; and yet Jack cannot see Tom (ears)* [Ibidem, p. 390]. / *Джек на одной стороне, Том на другой, но Джек никак не может увидеть Тома (уши)*.

Репрезентация антиденотата в английской загадке также может вестись от первого лица: *My head is round, my body is small, and I hold that savors all (a salt seller and salt)* [Ibidem, p. 39]. / *Моя голова круглая, тело маленькое, я создаю весь вкус (солонка и соль)*; *I was four weeks old, when Cain was born, nor five weeks old yet (moon)* [Ibidem, p. 38]. / *Мне было четыре недели, когда родился Каин, и до сих пор мне не исполнилось пяти недель (месяц)*.

Значительно реже денотат кодируется при помощи метафорического описания некоторого «яркого» признака.

В русской народной загадке в качестве подобного признака может употребляться указание на цвет предмета: *Тело бело, душа портяная, маковка золотая (свеча)* [7, с. 78]; отношение к другому предмету: *Тын дубовый, а плетень вязовый, а рог липовый (бочонок)* [Там же, с. 74]; *Поля стеклянны, межи деревянны (оконные рамы)* [Там же, с. 36]; *Основа соснова, уток соломенный (крыша)* [Там же, с. 42]; внешний вид предмета: *Мать толста, дочь красна, сын кудреват, отец горбоват (печь, огонь, дым, кочерга)* [Там же, с. 53]; *Маленький, пузатенький весь дом бережет (замок)* [Там же, с. 40].

В английской загадке также можно выделить систему признаков, посредством которых производится кодификация денотата: цвет: *Green head, yellow toes. If you don't tell me this riddle, I will ring your nose (a duck)* [10, p. 221]. / *Зеленая голова, желтые пальчики. Если не разгадаешь загадку, щелкну по носу (утка)*; *Black man sat in a white man's chair. Tell me what that riddle is (rice in a pot)* [Ibidem, p. 329]. / *Черный человек сидит в кресле белого человека (рис в горшочке)*; внешние признаки предмета: *In spring I am very pretty and in winter I am naked (tree)* [Ibidem, p. 216]. / *Весной я нарядный, зимой я раздетый (дерево)*; *Long, tall, black feller, pull him back and hear him bellow (gun)* [Ibidem, p. 274]. / *Длинная, высокая черная пила, положи ее назад и услышишь, как она ревет (ружье)*.

Следующим способом репрезентации денотата является номинация составных частей. Данная модель (N_1, N_2, \dots, N_n) широко представлена как в русской, так и в английской загадке: *Red house, green furniture (melon)* [Ibidem, p. 484]. / *Красный дом, внутри зеленая мебель (дыня)*; *Long pole, bushy tail (broom)* [Ibidem, p. 573]. / *Длинный кол, пушистый хвост (метла)*; *Два бойца, два стекла, четыре песта, один ревун (бык)* [7, с. 165]; *Три ноги, два уха, да шестое брюхо (лохань)* [Там же, с. 78].

В приведенных текстах наименование предмета часто осуществляется при помощи количественно-именных словосочетаний (*четыре песта, три ноги* и т.д.) или же существительных, распространяемых одиноким определением (*green furniture, red house*).

Как показало предпринятое исследование, структурные типы английской и русской загадок во многом схожи, что обусловлено ключевой тенденцией описания денотата посредством характерного для него действия и признака. Описание действия денотата осуществляется разнообразными способами, так как оно может зависеть от времени, места и условий его совершения; внимание может уделяться ряду действий, если сама их последовательность видится автору привлекательной и уникальной. Значительное число структурных типов загадки ориентировано на трансляцию противоречивых, нелогичных действий антиденотата. При обращении к признаку искомого предмета выделяется цвет, материал, внешний вид, возраст и т.д. При номинации составных частей предмета также указывается цвет, размер и количество.

Список источников

1. Абдраштова М. О. Трансформация миромоделирующих возможностей современного жанра загадки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-15.
2. Артемьева Ю. В. Проблемы идентификации знака и денотата // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2009. № 2. С. 3-10.
3. Головачева А. В. К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1994. С. 195-212.
4. Горыкина С. С. Номинативная репрезентация концепта *Nature* в древнеанглийской загадке // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 3. С. 86-89.

5. Левченко М. Н., Лачугина Е. Н. Эффект обманутого ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2015. № 6. С. 94-100.
6. Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1994. С. 143-177.
7. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М.: Изд-во МГУ, 1959. 335 с.
8. Сибирцева В. Г. Языковая картина мира в русской загадке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новгород, 2003. 22 с.
9. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1994. С. 10-117.
10. Taylor A. English riddles from oral tradition. L.: Oxford University Press, 1951. 958 p.

ON MECHANISMS OF DENOTATION REPRESENTATION IN THE RIDDLE

Faizullina Nailya Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
nelya7@mail.ru

The purpose of the article is to identify and systematize the most frequent structural schemes of a folk riddle by the material of the Russian and English languages. The research is carried out within the framework of a semantic-syntactic analysis of folklore texts. It is established that the structures oriented to the representation of the denotation action are the most frequent. Such structures may contain the name of a single action or a whole series of actions typical of the desired subject of an action. Often the enumeration of actions is conditioned by the desire to detect their contradictory nature. Less commonly, the denotation is described by reference to its characteristic or the enumeration of its constituent parts. The analysis allows us to talk about the partial similarity of the process of the object perception and its subsequent encoding within the framework of the English and Russian folk riddles.

Key words and phrases: paroemias; folk riddle; denotation; sentence; action.

УДК 81'373.612.2:355

Статья посвящена анализу военной метафоры в текстах спортивной тематики с начала XXI века и до настоящего времени на материале текстовых фрагментов Национального корпуса русского языка. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые дано целостное описание военной метафоры: выявлены тематические группы и лексико-грамматические разряды военной лексики, наиболее часто подвергающиеся процессу метафоризации в языке спорта, и особенности их употребления.

Ключевые слова и фразы: военная метафора; спортивный дискурс; лексико-семантическая характеристика; категориально-грамматические особенности; сема; направление метафорического переноса.

Федотова Наталия Владимировна

*Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж
Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ВОЕННОЙ МЕТАФОРЫ В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Под военной метафорой следует понимать такой вид метафоры, в семантической структуре которой как эксплицитно, так и имплицитно представлена сема «война». В. П. Москвин [6] справедливо считает, что в рамках семантической классификации военные метафоры составляют отдельную группу. Данная классификация базируется на основе семантики основного или вспомогательного субъекта (основной субъект – это то, что сравнивается, а вспомогательный субъект – это то, с чем сравнивается по какому-то признаку (аспекту сравнения)).

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живём» первыми заявили, что в повседневной жизни мы мыслим в терминах войны [5].

Определяя место военной метафоры в метафорической системе русского языка, некоторые отечественные лингвисты (например, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов) рассматривают военную метафору, отражающую степень «милитаризации сознания», в составе политической. Согласно их исследованиям, военная метафора составляет до 30% от общего числа метафор разных групп [1].

Спортивная и военная сферы исторически взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии. По мнению некоторых исследователей [2], одной из главных задач спорта всегда являлась подготовка к войне. Примером может служить подготовка спортсменов в первой половине XX века в нашей стране: сдача норм на значки «Ворошиловский стрелок», «Альпинист СССР», «Парашютист СССР», спортивный норматив ГТО (Готов к труду и обороне) и пр. Поэтому закономерно, что метафорическая модель «Спорт – это война» отражает восприятие спортивной игры, победы или поражения в ней как аналога военной битвы. «Военные метафоры